

Чи Синь кивнул Сяо Ли и ушел вместе с героем в его оцепенении. Этот ребенок, учитывая его юный возраст, казался немного глуповатым.

Цао Цин стоял там и с горечью смотрел им в спины, негодование переполняло его глаза. Сяо Ли неохотно посмотрел, как уходит Чи Синь, повернулся к мужчине, который все еще держал его за талию и опирался на стол, и не мог не спросить с некоторым замешательством: “Ты не уходишь?”

Сяо Ли не был старым, возможно, 18 или 19 лет. Как только он снял камуфляжную форму и надел обычную футболку, он стал выглядеть еще моложе. У него было невинное выражение лица, и его вопрос звучал очень искренне. Лицо Цао Цина окаменело; он выпрямился, несмотря на боль, и захромал прочь.

Сяо Ли убрал свое незрелое выражение лица и фыркнул.

Чи Синь последовал за группой главных героев в комнату. Многие из них не были заселены на базе, которая была заброшена после вспышки. Цзин Сюбай открыл один наугад; казалось, что первоначальный владелец был любителем баскетбола, и вся комната была украшена плакатами известных игроков. Чи Синь подошла, чтобы взглянуть, касаясь мебели кончиками пальцев. Все было так реально.

Позади нее раздался голос Цзин Сюбая: “Ты просто так последовала за нами, разве ты не боишься того, что я с тобой сделаю?” Его тон был холодным: “В конце концов, после того, что ты сделал, у тебя не может быть чистой совести”.

Чи Синь обернулся и посмотрел на трех главных героев. У всех у них были разные выражения лиц, и она выбрала самый простой ответ: “Я не боюсь”.

Затем она добавила: “Следите за тем, что вы говорите, там... это девочки”.

Прямо сейчас чувства героя и героини были неясны, и, подумав об этом, она проглотила слово “твой” в своем предложении.

Юй Сян засмеялся: “Чи Синь, ах, ты сейчас так сбиваешь с толку”.

Ю Сян был наименее враждебным из них троих. Он был не только более терпим к ней, потому что она спасла его в прошлом, но и после того, как она спасла всю базу, его негативные мысли были забыты.

Чи Синь, возможно, и сбивала с толку, но смысл ее слов был очевиден. Цзин Сюбай на секунду поперхнулся, и его безразличное выражение исчезло. Он сдвинул очки на затылок и сказал немного беспомощно: “Я просто думаю, что ты больше не безрассудна”.

Настала очередь Чи Синя недоумевать: если ты этого не имеешь в виду, зачем говорить такие вводящие в заблуждение слова!

Как только атмосфера разрядилась, Цзян Цунъюнь поджала губы и прошептала: “Ничто другое не имеет значения, но этот кулон очень важен для меня. Чи Синь, ты можешь вернуть его мне?”

После того, как она произнесла эти слова, едва заметная радость в комнате мгновенно исчезла. Кулон был тем, о чем Цзян Цунъюнь заботился больше всего, и настоящей занозой

между Чи Синем и группой главных героев. Юй Сян перестал улыбаться, и глаза Цзин Сюбая снова стали серьезными; все трое уставились на Чи Синя.

Но Чи Синь тоже была беспомощна. Она изучала это пространство в течение последних трех дней, но нефритовый кулон растаял в ее теле, и она не нашла способа вернуть его.

Цзян Цунъюнь наблюдал, как она молчит, и сказал: "Это семейная реликвия, оставленная мне моим отцом. Это не имеет ничего общего с пространством, которое в нем содержится, я просто хочу его вернуть, и я могу дать вам нефрит лучшего качества, хорошо?" Характер у героини был настолько хороший, что она не рассердилась и терпеливо пыталась переубедить Чи Синя.

Юй Сян также добавил: "Если тебе нравится нефрит, когда мы в будущем доберемся до базы А, я попрошу своего отца купить для тебя их кучу. Может быть, в одном из них даже найдется свободное место, так что ты сможешь вернуть кулон Конгъюну."

Как некогда суперзвезда города А, а теперь младший сын лидера Базы А, он действительно имел уверенность сказать это.

Все трое уставились на Чи Синя и почувствовали, что все объяснения бесполезны. Она расстегнула рубашку и стянула одежду с левой груди. Юй Сян издал странный крик. Он притворился, что прикрывает глаза, но раздвинул пальцы и моргнул.

"Что ты делаешь?"

Двое других вели себя не так нелепо, как он, и их взгляд упал на обнаженную плоть Чи Синя. На светлой коже был отпечатан маленький изумрудно-зеленый след в форме кулона, такой же естественный, как родимое пятно.

"Дело не в том, что я не хочу его вернуть". Наконец Чи Синь сказал: "Просто я не знаю, как это вынуть".

Цзян Цунъюнь нахмурился: "Ты сказал, что не знал, что кулон - это пространство, и я даже не знал, как его связать. Но ты сделал это."

"Это было так хаотично, когда началась вспышка и на нее пролилась кровь", - ответила Чи Синь, мысленно закатывая глаза. Что это была за эпоха? Неужели так трудно было догадаться, что капля крови работает?

"Итак, тебе удалось связать кулон, но ты не знаешь, как разорвать контракт". Цзян Цунъюнь недоверчиво посмотрел на него.

Чи Синь безмолвно смотрела на героиню. Но, зная личность первоначального тела, было невозможно просто так поверить ее словам. Она широко распахнула рубашку и встала перед ней.

"Я не хочу избегать важного и заикливаться на тривиальном, но так оно и есть". Глаза Чи Синя были ясными: "Теперь я в вашем распоряжении, пока вы можете забрать это, я ничего не буду делать".

Это пространство было раскаленным железом, и никто не хотел возвращать его больше, чем она. Но этот шаг в сочетании с ее прошлым поведением рассматривался только как своего рода схема.

Не в характере Цзян Цунъюня было спорить. Она была зла, и разочарование наполнило ее глаза, но она не протянула руку, чтобы коснуться тела Чи Синя. Она посмотрела на Цзин Сюбая, пытаясь получить от него хоть какое-то утешение, но он не замечал ее и с любопытством смотрел на Чи Синя.

“У тебя много секретов”. Он сказал: “Я не просто хотел спросить о подвеске

”. “Хм”.

Цзин Сюбай слегка прищурился, пытаясь найти самое тонкое выражение на ее лице.

“У меня есть сверхъестественные способности, и только Ю Сян и Цунъюнь знали об этом. Я уверен, что они никогда ничего не упоминали об этом, как вы узнали?” Он сделал шаг вперед: “И почему ты скрывал свою силу и вел себя как идиот? Это не допрос, а некоторые сомнения, на которые я хотел бы получить ответ от кого-то, кто бежал с нами”.

Он сказал, что это был не допрос, и его тон был мягким, но на его красивом лице не было никаких эмоций, а глаза были острыми и холодными, вызывая у людей сильное чувство подавленности. Инстинкт тела Чи Синь естественным образом отреагировал на это давление, ее лицо стало пустым, и она инстинктивно приняла оборонительную позу.

“Это что, обвинение?”

“Тебе не нужно быть таким осторожным”. Видя, что ситуация была неправильной, Ю Сян сказал с кривой улыбкой: “Просто у тебя слишком много секретов...”

“И ты тоже”, - прервала его Чи Синь, и ее глаза заострились: “Мы вместе сбежали из школы, но ты никогда не считал меня одной из вас, не присматривал за мной и ничего мне не рассказывал”.

Она усмехнулась: “Какое ты имеешь право требовать, чтобы я была честна с тобой?”

Три главных героя потеряли дар речи и посмотрели друг на друга, а Цзин Сюбай ответил: “Учитывая то, как вы действовали раньше, трудно было поверить, что вы были разумны. Чем больше мы вам расскажем, тем больше проблем вы создадите”.

Конечно, Чи Синь это знала. Ее первоначальное тело приобрело всю ненавистную ценность фильма, но теперь, когда она была этим телом, она не хотела признаваться в этом. Однако ей нечего было им возразить, и вместо этого она предпочла выказать легкое презрение.

“Поскольку вы готовы верить внешнему виду, мне нечего сказать”. Она также притворилась, что вздыхает: “Я думала, ты будешь отличаться от тех близоруких людей на базе”.

Она сказала это так серьезно, что три главных героя вздрогнули и задумались. Никто не знал прошлого Чи Синь, только то, что она была из того же класса, что и Цзян Цунъюнь. Когда вирус вырвался наружу, они пожалели ее и увезли, чтобы сбежать, но ничего о ней не знали. С тех пор как они решили, что она идиотка и обуза, они никогда по-настоящему не разговаривали с ней; как они могли винить ее за то, что она не была честна с ними?